

Артур Иванович Жейнов
Пилюля
Серия «Три в одном», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4944734
Три в одном. Кн. 2. Пилюля. Роман.: Люмэн; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-905590-06-1*

Аннотация

Удар молнии, и сознания Риты и Кастро возвращаются в свои тела. Однако участники эксперимента все еще сохраняют способность чувствовать один другого, влиять на мысли и поступки друг друга. Раненый во время грозы Саня теряет память. Его ищут враги. К нему на помощь спешат Рита и Кастро. Трое героев встречаются, и попадают в новые невероятные и опасные приключения. Они побеждают, но тут же оказываются в не менее сложной ситуации: они сами должны сделать выбор, кому из них троих умереть...

Для поклонников остросюжетной литературы.

Содержание

Хуши сказал: «Увы – часто не совесть, а трусость не дает разгуляться нашей жадности»	4
Хуши сказал: «Когда меня что-то беспокоит, я вспоминаю мудрого Че. Он боялся соседской собаки. Собака боялась хозяина, а хозяин боялся мудрого Че»	8
Хуши вспоминал: «Правитель Хун жаловался: мои гонцы самые быстрые из черепашек, мои советники самые умные из баранов. Боги! В чем причина моих неудач?!»	12
Хуши сказал: «Женщины за наивностью часто прячут ум, мужчины за цинизмом, как правило, глупость»	19
Хуши сказал: «Хилые и глупые никогда не будут иметь власти над сильными и умными, звеня цепями, доказывал я тюремщику»	21
Хуши сказал: «Умей ждать и дождись своего поезда, учат они. На перроне, а не на рельсах, добавляю я»	24
Хуши сказал: «Я счастлив, ведь все мои мечты сбылись. После жаркого дня, наконец, пришел прохладный вечер. О нем я мечтал с самого утра»	33
Хуши сказал: «Мертвое долго не живет»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артур Иванович Жейнов

Три в одном. Книга 2. Пилюля

Все персонажи романа вымышлены, совпадение или сходство их имен с именами реальных людей случайны.

Хуши сказал: «Увы – часто не совесть, а трусость не дает разгуляться нашей жадности»

Солнце в зените, жара. До закусочной всего квартал и столько же обратно. Кажется, просто. Может, кому-то – да, Худому так не кажется. Худой весит сто двадцать. Туфли, поганные, жмут и пиджачок дрянной, не по сезону. От асфальта жар, хоть шашлык делай. Шел, будто плуг тянул.

«Сволочной денек, продавщица дура, ублюдки по ногам топчутся и лица мерзкие, и машины сигналият... Убить кого-нибудь, что ли?»

Наконец добрался до подвала. Постоял у двери, отдышался и, переложив пакет из одной руки в другую, постучал четыре раза.

– Открыто, – донеслось изнутри.

Худой выругался, сплюнул и вошел. Щелкнув замком, двинулся вниз по ступенькам.

Внизу ждал Рыжий. В левой руке – чашка кофе, в правой – сигарета. Рыжий вовсе не рыжий, а лысый. По случайному стечению обстоятельств рыжими были трое торгашей, которых он убил из-за смешных денег еще на заре своей бандитской карьеры.

Рыжий встретил вошедшего виноватой улыбкой.

– Забыл закрыть.

Худой забрал у него сигарету и затушил, макнув в кофе.

– У меня астма! – сказал со злобой.

– Прости. Я не ждал тебя так скоро. Хочешь кофе? – предложил заискивающе.

– В такую жару?

– Тут не жарко. Я даже немного замерз. – Он демонстративно вздрогнул.

– Почему не закрыл?

– Прости.

– Ты его помыл?

– Помыл. И даже массаж ему сделал.

Худой бросил на стол пакет, сел на стул.

– Массаж – лишнее.

В соседней комнате пусто: сломанный стул, старый телевизор, у стены кровать-каталка. Взгляд Худого остановился на свисающей с кровати бледной мускулистой руке.

– Может, поменять ему простынь?

– Зачем?

Худой пожал плечами, потянулся к пакету, достал жареную картошку и соус.

– А мне купил? – спросил Рыжий.

– Сам купишь.

– Все равно ведь ходил... Что, трудно было?

– Сам купишь, – повторил Худой, запихивая в рот золотистые брусочки. – Больше не вставал? – кивнул в сторону.

– Нет. Ну, тогда я пошел, что ли?.. – устало произнес Рыжий.

– Иди, – не глядя на него, ответил толстяк, вытер жир со щек и достал из пакета хот-дог. Рыжий ушел. Худой перестал жевать. Почти минуту, не шевелясь, смотрел перед собой. Потом схватил со стола бутылку с соусом, с криком «На!» разбил ее о стену и принялся иступленно стучать кулаками по столу.

– Что?! Что я здесь делаю! Что?!

Толстяк пошумел еще немного, остыл, снова плюхнулся на стул и полез в пакет. Достал «Фанту», сделал несколько глотков. На лбу сразу проступил пот. Худой вытерся рукавом. Не вставая, вытянул руки из пиджака, вытащил из-за пазухи пистолет, положил рядом на угол стола. Расстегнул ремень. Дышать стало легче.

Ел долго, тщательно пережевывая, как вдруг замер, кусок застрял в горле... Что-то случилось. Что-то страшное. То, чего не должно, не может быть. Одно понятно: резких движений лучше не делать. Осторожно повернул голову, нашел глазами пистолет.

– Не надо, – усталым голосом сказал мужчина, сидящий за столом в метре от него.

«Не успею... Тяжелая бесполезная железяка, столько же я с тобой таскался... – Толстяк оскалился. – Как же я так неосторожно?»

Медленно поднял глаза. Гостя, казалось, вовсе не интересует, что будет делать владелец оружия. Отрешенный взгляд устремился в другую сторону. Толстяк опять подумал о пистолете. Вот же он, совсем рядом. Согнуться и протянуть руку, кажется, так просто.

Сосед по столу будто прочел мысли, повернул бледное лицо и еле заметно покачал головой. Худой скрипнул зубами, надул губы и отвернулся. Рука потянулась к пакету. Достал хот-дог, откусил.

– Убьешь меня? – спросил, вяло жуя.

Кастро, а это был никто иной, как он, неопределенно пожал плечами.

Толстяк пожаловался:

– Всегда боялся, что выкинешь что-нибудь этакое. Никогда, веришь, никогда я не клал пистолет вот так на стол. Глупое стечение обстоятельств. Черная полоса. С утра не задалось и... Не думал, что очнешься...

Кубинец сочувственно покачал головой и развел руками. Только сейчас обратил внимание на свою одежду. Оттянул складку одежды на животе. То, что сначала принял за больничный халат, оказалось женской ночной рубашкой. Потрусил головой, протер глаза.

– Голова раскалывается, – пожаловался. – Что вы на меня напялили?

Толстяк усмехнулся:

– Что нашли. Скажи спасибо, что не голый.

Кастро потрогал скулы.

– Меня брили? Зачем?

– А что здесь еще делать? – буркнул толстяк, взял стакан, выпил «Фанты». – Из-за тебя все! Киснем в этой дыре.

– О! – удивился Кастро и поднял босую ногу. – А ногти зачем покрасили?

Толстяк снова отпил из стакана.

– Говорю же, делать нечего. Сидим, друг на друга пялимся. Хоть бы телевизор был. Фильм какой-нибудь... про любовь.

Кубинец взял пистолет, покрутил в руках, положил обратно. Потрогал ногу, простонал: – Болит.

– У тебя из ляжки болт, вот такой, – показал два сжатых пальца, – вытянули.

– Да?... – Кастро осмотрелся. – Во рту гадко. Зубной щетки нет?

Толстяк не ответил.

– Понятно. Хороший у тебя аппетит, – заметил гость. – Поделись.

– Я не делюсь.

Кастро взял пакет. Толстяк изменился в лице, сжал кулаки, попробовал протестовать:

- Ну ты!
- Кубинец поднял ладонь, тихо предостерег:
- Не наглей! – достал пакет с картошкой, распечатал. – Не наглей, – повторил тише. – Сколько у тебя есть денег? – обжаренная корка захрустела на зубах.
- Совсем нет, – ответил рассерженный толстяк.
- Ты у меня что-то спрашивал, – вспоминал Кастро. – Ах, да! Ты спросил, убью ли я тебя, – так, кажется?

Оттянул складку одежды на животе. То, что сначала принял за больничный халат, оказалось женской ночной рубашкой.

- Толстяк засопел, закусил верхнюю губу.
- Сколько тебе надо?
- Все.
- Оставь хоть пару сотен. С голоду подохнем.
- Пару сотен оставлю, – сжалился Кастро. – Напарник твой скоро придет?

– Я один.

Кубинец улыбнулся.

– Я спросил, когда придет.

– Минут через пять придет, – ответил толстяк, понимая, что врать дальше бессмысленно. – У него тоже есть. Больше чем у меня. У этого скупердяя все заberi! Скотина, знает же, что у меня астма...

– Договорились, – согласился Кубинец и отложил пакет с картошкой. – Фу, что ж так хреново-то? Ты это, руки на столе держи, чтоб я видел. Ага, вот так, – всмотрелся в лицо собеседника. – Я помню тебя. Лет двадцать прошло. Помнишь Белу-Оризонти? Ты мне шифры передавал... и рацию...

– Не люблю Бразилию, – буркнул толстяк.

– Таким поджарым был. Постарел ты.

– Думаешь, ты помолодел?

– Да, – печально вздохнул Кубинец. – Но во всем этом есть и позитивный момент: прошлое нас связывает общим делом, а будущее общими деньгами. Сколько, говоришь, у тебя?

Хуши сказал: «Когда меня что-то беспокоит, я вспоминаю мудрого Че. Он боялся соседской собаки. Собака боялась хозяина, а хозяин боялся мудрого Че»

... Голубая была раза в два больше. Но красную не пугали ее размеры: она делала вид, что проплывает мимо, потом внезапно бросалась, подныривала и кусала голубую снизу за хвост. Этот трюк она проделала раз пять. Краткосрочной памяти у них на пару секунд. Голубая больше и всегда забывает, что маленькую красную надо бояться.

Рэм постучал пальцем по аквариуму, рыбы никак не отреагировали. Красная пошла на очередной заход.

— О чем задумался, Рэм? — спросил Сафронов, протягивая собеседнику свой знаменитый портсигар.

— Не курю, — ответил тот, оторвал взгляд от аквариума, откинулся в кресле и, чуть прищурив глаза, посмотрел на собеседника, пытаясь угадать его настроение.

Сафронов приподнялся с кресла, достал небольшой пакет с кормом, бросил щепотку в аквариум.

— У них сложные взаимоотношения. Я назвал их Каин и Авель. Не терпится узнать, чем дело кончится, — сказал и покосился на гостя, ожидая реакции.

Эту шутку мультимиллионер Сафронов рассказывал всем, кого приглашал в свою оранжерею. Кто-то хохотал, кто-то показывал знак «класс», кто-то качал головой и долго улыбался, но чтобы так, как этот... На лице Рэма не дрогнул ни один мускул. Улыбаться из вежливости — не в его правилах.

Денис Юрьевич не был трусом. Только две вещи пугали его — бедность и улыбка Рэма. Впрочем, когда человек в черном плаще не улыбался, тоже было страшно. Необъяснимый животный страх накатывал только при упоминании его короткого имени. Умный, серьезный, немногословный Рэм пугал Сафронова. Об изворотливом уме и жестокости этого человека он знал не понаслышке. Обращаясь в агентство, Сафронов всегда просил прислать кого угодно, только не Рэма. Но всегда приезжал Рэм. И Денис Юрьевич, сделав радостное лицо, приветствовал его: «Какие люди!»

А я все гадаю, кто займется моим непростым делом! Какая удача! Рад тебе! Искренне рад тебе, друг!»

Мрачный гость сложил руки на животе.

— Денис, расскажи мне еще раз, как все было.

— Рэм, я не попугай. Понимаю, неприятно. Фортуна... — Он вскользь взглянул на Рэма. Выражение лица у гостя оставалось неизменным, но внутри у Сафронова все сжалось.

— Рэм, мы давно знаем друг друга. Я покрою все расходы. Я даже дам премию. Дело закрыто. У меня будут другие просьбы. Уже есть...

Гость недружелюбно оскалился. Сафронов опустил в кресло и вдруг понял, что рассказывать придется снова и, может быть, не один раз.

— Мы сидели друг напротив друга, вот как мы с тобой сейчас сидим. Он спросил, как ко мне обращаться, и потребовал с меня клятву. Я тебе рассказывал. Он отдал флэшку, я ее проверил...

— Флэшку? — громко переспросил Рэм.

— Да, флэшку, — повторил Сафронов.

Рэм склонился над столом.

– Он отдал тебе флэшку...

Миллионер занервничал, внутри вскипала злость.

– У меня что, какие-то проблемы с дикцией? Он отдал мне флэшку, Рэм. Маленькую, блестящую, невзрачную пендюлень! И я взял эту пендюлень, вот этой самой рукой. Вот этой! Видишь руку?! Теперь представь, как я ее беру. Все! Есть картинка?

– Не нервничай, – спокойно произнес гость. – Ты все проверил? Это именно то, что мы искали?

– Ну, конечно!

– И больше он ничего не дал?

– Я! Я дал ему миллион! И тебе дам, только не плачь.

– Не надо.

– Отказываешься от компенсации? – удивился Сафронов.

– Компенсация меня не интересует, – ответил мрачный собеседник, поднимаясь с кресла. Он подошел к аквариуму, взял пакет с кормом, не спеша высыпал его содержимое в воду и постучал пальцем по стеклу.

– Тут нет интриги, Денис. Это старая история. Каин убьет Авеля.

Рэм попрощался с Сафроновым и в сопровождении его охранников направился к выходу. Фил со своими людьми ждал его в беседке на улице.

Беседок было несколько. Когда Рэм приехал, они были пустыми. Теперь в каждой кто-то сидел. Фил взглядом показал шефу на одну из них. Рэм остановился, повернул голову.

– Работать не умеем, а отступные берем! – крикнул ему кто-то на плохом английском.

Рэм узнал голос и поморщился. Вскоре появился и сам крикун – Сяо. Позади него, оглядываясь по сторонам, шли телохранители, все как на подбор европейцы, здоровые, атлеты, бывшие моряки, как и хозяин.

Фил поднял своих людей, поспешил с ними на помощь, но Рэм остановил его жестом. Навстречу китайцу вышли трое местных охранников.

– Мистер Сяо, – обратился один из них, – дальше нельзя. У нас инструкции. Нам тут бойня не нужна.

– Да что вы? Это мой старый друг! Это же Рэм! Мы с ним только поговорим и все. Он мне как младший брат.

Охраннику пришлось взять Сяо за руку.

– В прошлый раз вы говорили то же самое, потом было пятнадцать трупов, и у нас возникли проблемы с полицией. Пожалуйста, вернитесь на свое место. Хозяин скоро вас позовет.

– Почему он раньше? – Сяо показал на Рэма. – Почему я должен ждать?

Охранник посмотрел на часы.

– Вам назначено только через полчаса.

– Да! Но я специально приехал загодя. Хотел посудачить со своим старым приятелем. Немного рассказать про уважение. Ты вот не знаешь, что такое уважение! – Сяо ткнул пальцем охраннику в живот. – Хватаешь меня за руки, как уличную девку! Ты еще читать не умел, а я этими руками хоронил своих друзей! Сопляков безмозглых! Таких же как ты. Полтысячи нас за ночь вырезали. Знаешь, почему? Потому что не уважали противника, переоценили свои силы. Не лезь ко мне, парень!

– Не надо меня впутывать. Идите на свое место.

– Рэм, ну что ты, как баба! – крикнул Сяо из-за чужого плеча, напрасно пытаясь оттолкнуть с пути охранника, крепко держащего его за руку. – Иди сюда! Я тебе ребра переломлю! Лицо съем, скотина! Вырву потроха и скормлю грязным свиньям!

– Ну, пусть, пусть его! – крикнул Рэм охраннику.

На крики отовсюду стали сбегаться вооруженные люди и становиться между Рэмом и китайцем. Они взяли Сяо в кольцо, а тот все подпрыгивал и размахивал кулаками.

– Не смей лезть на мою территорию! Ты перешел черту! Ты перешел черту!

Рэм, усмехаясь, отмахнулся и направился в сторону Фила.

– Чем обрадуешь? – спросил на подходе.

– Сафронов решил всем сделать подарок, – ответил Фил, поглядывая в сторону суетливой охраны. – Боится, чтоб не клянчили компенсацию, – сам предложил. Так проще сохранить лицо. Ишь, понаехали. Через час вылетаем в Мексику. Совет решил поднять концерт полностью. Будет много работы.

Он подошел к аквариуму, взял пакет с кормом, не спеша высыпал его содержимое в воду и постучал пальцем по стеклу.

Еще хотел рассказать о том, что Кастро сбежал, но вовремя остановился. «Они накопили – пусть оправдываются. Меня там не было, я не при делах. Брякну, как всегда, крайним сделают».

Рэм заметил, что двое телохранителей Сяо отправились в туалет, и, недолго думая, пошел следом. Через пять минут Фил помогал ему смывать с рук кровь.

– Обоих? – спрашивал Фил, опуская канистру все ниже.

– Лей сильнее. Вот так. Обоих-обоих. Пусть позлится желтенький.

– Кого берем с собой?

– В Мексику не летим, – удивил Рэм.

– Как это?

– Мы здесь не закончили.

– Шеф, Сафронов получил, что хотел, – напомнил Фил. – Расщедрился на отступные. Дело закрыто.

Рэм взял полотенце, принялся вытирать руки. Перед тем как отдать, развернул полотенце перед собой. Широко раскрыв глаза, с махрового полотна ему улыбалась обнаженная шатенка. Знакомое лицо. Кажется, одна из любовниц Сафронова.

– Откуда? – спросил у смущенного Фила.

Тот махнул в сторону дома.

– В сауну заглянул. Там таких еще много.

Рэм бросил полотенце Филу под ноги.

– Отнеси, где взял.

– Хорошо, – ответил помощник, поднял полотенце и спрятал за спиной.

– Верни! – требовательно повторил шеф.

Фил расстроенно кивнул.

Рэм забрал у него свой плащ.

– Мы тут немного задержимся, – сказал, просовывая руки в узкие рукава, и улыбнулся, что случалось с ним крайне редко. – Злой мальчик не все отдал. Копию оставил. Пожадничал.

– Оставил? – удивился Фил. – Сафронов знает?

Рэм приставил указательный палец к носу.

– Чшшш...

Хуши вспоминал: «Правитель Хун жаловался: мои гонцы самые быстрые из черепах, мои советники самые умные из баранов. Боги! В чем причина моих неудач?!»

Павел Игоревич сегодня не завтракал и не обедал. В знак солидарности никто из лаборантов не ушел на перерыв. Время начало обратный отсчет. Важна была каждая минута. Сергей принес профессору чай, но напиток остался нетронутым. Держа скальпель в левой руке, Игоревич копался в мышинных мозгах, правой настраивал фокус в микроскопе. Правым глазом через линзу выискивал аномалии в образцах крови, левым просматривал волокна лобной доли. Сергей каждые пятнадцать минут приносил новые образцы и беспристрастно констатировал: «Еще одна сдохла».

– Новых идей не появилось? – спрашивал профессор и, не дожидаясь ответа, добавлял: – Чего тогда столбишь? Если бы Аристотель был таким ленивым, земля так и осталась бы плоской. Иди ищи, ищи!

Игоревич уснул за столом. Не прошло и пяти минут, как его разбудили, громко крикнув в ухо: «Доброе утро!»

Он вздрогнул и, тараща сонные глаза, удивленно уставился на циферблат. Большая и маленькая стрелки соединились на цифре двенадцать. Полночь.

Кто-то положил ему руку на плечо. Ученый обернулся, но человек, оказывается, стоял с другой стороны. Повернул лицо в другую сторону.

– Не спится, профессор? – глядя в упор и широко улыбаясь, спросил незнакомец.

– Вы?! – вскрикнул ученый и отшатнулся, узнав человека, с чьим появлением его жизнь превратилась в кошмар.

– Угадали, профессор.

– Пришли...

– И тут в точку. Поразительная наблюдательность, – сказал мужчина. Заметив сваленные в кучу трупы препарированных мышей, брезгливо поморщился: – У вас странное хобби, профессор. Плохое настроение?

Ученый стряхнул головой. Сон полностью улетучился.

– Зато у вас, смотрю, хорошее. Убежали, значит?

– Ушел.

Игоревич взглянул на часы.

– Пришел в себя в одиннадцать – так?

– Вот это, я понимаю, проницательность.

– Рита в это же время, так что никакой проницательности.

Кастро сел на край стола.

– Ну, как там старушка? Про меня что-нибудь хорошее говорила?

– Вечером улетела... куда-то в Азию. Что у вас там произошло? Мне надо было поговорить с Ритой, а она улетела... – Ученый вздохнул. – Это очень плохо, что она улетела... Очень плохо.

– В Азию, – усмехнулся Кубинец. – А я проснулся – холодно. Голодный, как сволочь, а он бутылку об стену... В голове как зазвенит...

– Какую бутылку?

– По улице иду, трясет всего, шатаюсь, какие-то куры мерещатся. Руки слабо чувствую, запахи, духи какие-то... С чего бы это, думаю. Вот сейчас – ладони сухие, а будто под краном держу. Знаешь, что это?

– Что?

– Я только теперь понял. Это она руки моет. Чувствую, понимаешь? И его я чувствую. В плохую историю ты меня втянул, волшебный старичок. Что мне сделать, – три добрых дела и стану прежним? Ковыляю, о бордюры запинаясь и думаю: так дело не пойдет. Загляну, думаю, отвинчу этому Доуэлю голову, о шкаф тяпну, может, обнадежит чем, а?

– Тебя никто не звал, сам влез в эксперимент! – выкрикнул ученый. – Говорил тебе – пожалеешь. А теперь что?! А теперь я не знаю, что! – Профессор поднялся со стула и стал ходить из угла в угол. Кастро взял со стола стакан холодного чая, отпил половину, скрестил руки на груди и молча стал наблюдать за Павлом Игоревичем.

– Озноб пройдет, и силы вернутся, – задумчиво произнес ученый. – А потом... потом... – он замолчал на несколько секунд. – Мы месяц думаем только о том, как разделить три сознания. Вообще не спим. Соединять научились, а обратно разделять... А тут еще эта молния... Будь проклят Зевс и все его олимпийское отродье! Все это так не ко времени. Как я устал!.. У меня нет идей. Совсем нет! Если бы я мог спать, как Менделеев, может, тоже что-нибудь бы придумал. Но у меня нет времени на сон! Нет времени! На данную минуту провели триста четыре эксперимента... на мышках... – профессор подошел к столу, поднял за хвост изрезанное скальпелем тельце. – Мышки у нас, видишь?

Кастро задумался.

– Не понял.

Профессор вернулся на свой стул, забрал у Кубинца чай, выпил и крикнул.

– Чего непонятного? Пихаем три сознания в одно тело – отлично. Разъединяем – отлично! А через две недели – амба! – профессор хлопнул ладонью по столу. – Дохнут, понимаешь? Дохнут!!!

Кастро как-то по-новому посмотрел на кучу изрезанных грызунов и поморщился.

– Все умерли? Но с людьми ведь не так?

Профессор уронил голову на руки.

– Не все. Если давать препарат, из трех умирает одна. Было хуже. Сто последних экспериментов – девяносто восемь трупов. В двухсотой и двести седьмой тройке выжили все. Почему, а? У меня нет идей! Нет идей... – он захныкал, как ребенок, а затем встрепенулся. – Нужна свежая мысль. – Первое, что приходит в голову! Ну, скажи что-нибудь! Ну!

Кастро растерялся, развел руками и брякнул:

– Адреналин?

– Что? При чем здесь адреналин? Ну, при чем здесь адреналин?! – заорал профессор. – Идиот! Бездарность! Ты хоть как-то представляешь структуру сознания? Адреналин! Дурак ты! Иди отсюда!

Кастро потупил взгляд.

– А как определить, какая из трех умрет?!

– Восприимчивость к препарату у всех разная, – с трудом, словно каждое слово причиняло ему боль, произнес профессор. – У кого лучше, тот и выживает.

– А если один из трех совсем не принимает?

– Обречен, – устало выдохнул ученый.

Молчали минут пять. В комнате горела всего одна лампа и от перепадов напряжения все время мигала. Вдруг вспыхнула неожиданно ярко. Из темного угла вспорхнул мотылек, закружился вокруг светила, то и дело обжигая крылья о горячее стекло. Коснулся еще раз, кажется, замахал сильнее, но это не помогло: закрутился, как осенний лист, упал на пол, задрогал длинными лапками.

Игоревич вытащил из-под стола табуретку и предложил гостю присесть.

– Я не господь, – сказал профессор, наклонился, потянул за ручку выдвижного ящика. – Не мне решать. Судьба. Шансы равны.

Он достал картонную коробку и высыпал на ладонь горсть красных пиллюль. Отсчитал три и положил на ладонь Кастро, пристально посмотрев ему в глаза. – Саня, Рита... Ты ведь найдешь их, правда? Через две недели, семнадцатого, до еды. Лучше, чтоб одновременно.

Кастро сунул пиллюли в нагрудный карман.

– Козел ты, дедушка. Экспериментатор хренов. У фашистов тебе работать. Такого видного мужчину, – показал на себя, – чуть не угробил.

Кубинец ушел, но он был не единственным, кто навестил в эту ночь именитого ученого. Профессор только на две минуты сомкнул глаза, как кто-то уже тормозил его за плечо.

– Павел Игоревич! Павел Игоревич, начинаем, – возбужденно шептал помощник.

Оторвав щеку от стола и вытерев с губы слюну, профессор спросил спросонья:

– Начинаем?

– Начинаем, Павел Игоревич. Нагреваем болоны. Через пять минут запускаю.

Профессор что-то вспомнил, и лицо его исказила страдальческая гримаса.

– Цезаря?

– Угу, – подтвердил заместитель. – И две кошки... Ребята притащили. Я проверил, они здоровые... блохастые только.

– Жалко Цезаря, – печально произнес профессор.

Сергей кивнул.

– Жалко.

Ученый опустил взгляд, вытащил из кармана очки, протер рукавом стекла, нацепил на нос и снова поднял глаза.

– Надо так надо.

Сергей развернулся и пошел к выходу, но вдруг что-то вспомнив, остановился и махнул рукой в сторону двери.

– Забыл сказать, там к вам пришел тот человек...

Дверь скрипнула. От неприятного ощущения ученый зажмурил утомленные бессонницей глаза. Ему показалось, что от усталости он сейчас свалится со стула, и на всякий случай ухватился за крышку стола.

Сначала в дверях показался большой горбатый нос, а затем со словами «Доброй ночи» появился и сам посетитель.

Ученый поправил очки и испуганно вскрикнул:

– Вы!

Человек шагнул внутрь.

– Не ждали, а мы к вам на огонек, – растянул рот в улыбке и, притворив за собой дверь и раскинув руки для объятий, направился к Павлу Игоревичу. Затем действительно обнял и даже поцеловал в висок.

– Кто вас пустил? – захныкал ученый. – Что вам нужно? Зачем опять пришли? Варвары! Инквизиторы! Пришли пытать меня?!

– Ну что ты, это же я, Фил, твой друг, – хлопнул профессора по коленке носатый. – Ты что, забыл меня? Мы чай пили... Вспоминай! Из самовара. А ты мне еще подарил такую блестящую штуку. Помнишь?... Ну, с кнопочками такими...

– Что вам надо?

– Что надо, что надо... Так ты это... узнал меня, нет?

Ученый поправил очки и испуганно вскрикнул:

– Вы!

Человек шагнул внутрь.

Нет? Да? Слышишь, а этот не появлялся, друг наш? Ну, тот, который... плохой человек. Кастро. Нет? Не приходил? А ты меня так и не вспомнил. Да? Я с товарищем был... Не вспомнил? – Фил посмотрел на Сергея и показал на профессора. – Мы с ним друзья. А ты ведь тоже с нами чай пил. Я тебя еще в коридоре приметил.

– Я пойду, – сказал Сергей. – Можно?

– Куда? – спросил Фил. – А вообще иди, конечно. Да, это, – крикнул вдогонку, – как здоровье, как домашние?

Заместитель оглянулся.

– Спасибо.

– Да? Ну, отлично! Иди, делай там, что тебе надо, – и кому-то громко приказал: – Пропустите его!

Снова глянул на Павла Игоревича.

– А я как зашел, сразу его в коридоре заметил. О, думаю, знакомое лицо!

Профессор отодвинулся вместе со стулом.

– Что?! Чего вам от меня надо?! Зачем вы приходите сюда?! Врываетесь, разрушаете мое детище, колыбель новой неизвестной миру науки. Убиваете моих коллег... А у них семьи...

Фил шмыгнул носом и обиженным голосом произнес:

– А ты злопамятный. Я к тебе как к другу шел. С хорошей новостью. Думал, обрадуешься. У меня, может, тоже есть на тебя обида, но я ее забыл.

– Послушайте...

Профессор не договорил, в кабинет с двумя лаборантами вошел Сергей. Он нес клетку с кроликом, лаборанты держали на руках двух серых болезненно худых кошек.

– О! Пугало красноглазое! Ха-ха! – обрадовался Фил, увидев кроля. – Как он меня за палец цапнул!

Чуть руку не оттяпал. Зверюга!!! Хищная тварь! – похлопал профессора по кисти. – Друг, подари мне его.

Отворив массивную дверь с огромным выпуклым глазком, скорее даже иллюминатором, ученые прошли в соседнюю комнату, и там сразу что-то защелкало, загудело.

– Послушайте, – устало сказал профессор.

– Да ладно, ладно... – остановил его носатый. – Оставь себе. Мы, вообще, вот чего хотим... Хотим, чтоб все это, – поднял руки вверх и покрутил двумя указательными пальцами, – переехало в Канаду. Хорошие, понимающие люди вами заинтересовались. Вот ты сколько получаешь? А хочешь сто пятьдесят, двести тысяч в год? А эти все твои в халатах на что живут? Всех заберем, дома построим. Работайте. Мы хорошие... Мы, как ЮНЕСКО. Ну, или какой-нибудь Гринпис. Только чуть богаче.

Ученые вышли из смежной комнаты. Сергей закрутил на двери огромный, такой как на подводных лодках, вентиль и, глядя на Павла Игоревича, доложил:

– Заблокирует через три минуты.

Профессор кивнул и сердито буркнул Филу:

– Ни я, ни мои коллеги никуда не поедem.

– Вот это очень нехорошо, – покачал головой Фил. – Я так этого боялся. И как быть дальше? А ведь вроде только что подружился. Думал, в гости будем друг к другу ходить, о науке разговаривать. Боже-боже, как я устал хоронить друзей!

Сергей и лаборанты вышли, скоро из-за двери донесся его приглушенный голос:

– Павел Игоревич, подойдите на секунду. – Не знаю, какую выставить погрешность.

– Ноль семь, – крикнул ученый.

– Если так, теряем контраст, давайте десятку ставить!

Профессор отодвинул стул, встал и поторопился к замку. У двери задержался, осмотрел комнату, строго бросил, обращаясь к гостю: «Ничего не трогать» и скрылся в коридоре.

Фил подождал минуту, сидя на стуле, а потом от нечего делать принялся ходить по комнате и вдруг остановился у двери с иллюминатором. Его лицо осветилось радостью:

– Ха-ха, – засмеялся раскатисто. – Чучело красноглазое!

Через несколько минут, что-то громко обсуждая, в комнату вернулись ученый и его зам.

– Все правильно, – уверял Павел Игоревич, – дельта остается прежней, диапазон меняем.

– Дельту надо менять, – не соглашался Сергей. – Оставлять опасно.

– Эх ты – вата. Если бы Македонский каждые полчаса долдонил «опасно-опасно»... – он вдруг замолчал и осмотрелся. – Что-то не так. Что-то изменилось?

Сергей посмотрел по сторонам.

– Свет стал ярче?

– Нет.

– А-а-а! Системник у вас шумит. Я вентилятор почищу, как пчелка зажужжит.

– Не в нем дело.

Сергей взглянул на дверь с иллюминатором и изменился в лице.

– Этот где?

– Кто?

Зам дотронулся до носа, показал, будто он у него огромный. Теперь испугался и профессор. Не сговариваясь, оба кинулись к двери. Сергей прильнул к иллюминатору. Возле клетки с Цезарем на корточках сидел носатый, бил по прутьям рукой и что-то кричал.

Профессор вцепился в вентиль.

– Открывай! Открывай ее!

– Заблокирована! Не получится! – дергая дверную ручку, вопил Сергей. – Заблокирована! Не откроется! Новая система! Хотели ведь как лучше!..

– Открой! Открывай чертову дверь! – в панике кричал ученый.

– Ну не могу я! Не могу!!!

Павел Игоревич оторвал руки от вентиля, уперся кулаками в бока, все тело трясло.

– Вырубай! Вырубай все! – прохрипел, тяжело дыша.

Сергей по инерции продолжал дергать за ручку.

– Говорю же, не откроется!

Профессор схватил зама за локоть и как можно спокойнее произнес по слогам:

– Вы-ру-бай.

Зам затряс головой и, наконец, сообразив, что от него требуется, задев стулья, кинулся прочь из комнаты.

Ученый подышал на стекло и протер его рукавом. Фил все так же продолжал бить по прутьям, Цезарь испуганно метался по клетке. Носатого это жутко забавляло, и он не замечал, что над его головой пульсировала и быстро увеличивалась в размерах золотистая сфера. Фил оглянулся на дверь, увидел растерянное лицо Павла Игоревича и помахал ему рукой. Ученый улыбнулся и помахал в ответ. Затем отошел от двери, сел на стул и два раза ударил лбом о крышку стола.

Через две минуты вернулся Сергей, молча сел. Профессор все так же упирался широким лбом в стол, а руки его безвольно свисали вдоль туловища.

– Вот, – прошептал зам и поставил перед собой наполовину выпитую бутылку коньяку.

Павел Игоревич, чуть повернув голову, посмотрел на этикетку.

– Яда нет?

Сергей поставил рядом с бутылкой две рюмки, не спеша наполнил.

– И что это будет? – спросил профессор.

– Павел Игоревич, не знаю... Все, что смог.

– И что ты смог?

– Кошек отделил, – прошептал заместитель. – Две в одной... побегают.

– А с «этим» что?

– Цезарь, – Сергей запнулся, поднял рюмку, выпил, причмокнул и закончил фразу: – Цезарь в нем.

Профессор приподнялся, взял свою рюмку, глянул на коллегу.

– Скажи, Сережа, может, мы с тобой дураки?

Сергей снова потянулся за бутылкой и наполнил опустевшие рюмки.

– Пейте, Павел Игоревич. Пейте. Я что думаю: сейчас мы их рассоединим. Цезарю давать препарат не будем. Человек выживет, кролик умрет.

Профессор выпил свой коньяк, занюхал воротом халата.

– Препарат уже в Цезаре, я сам ему давал, – сказал без всяких эмоций.

– Из двух один выживет. Сами убьем Цезаря.

Игоревич вяло улыбнулся.

– Ты не понял принципа. Они вытягивают жизнь один из другого, как вампиры. Убей кроля, и человек не выживет. Он сильный, но он же и слабый. Не сможет забрать жизнь у другого, сам себя убьет. Битва иммунитетов. Несколько сознаний в одном – явление противоестественное. Природу не обманешь, не нравится ей, когда пренебрегают ее законами. Она не церемонится.

Сергей покачал головой, цыкнул.

– Получается, нельзя их сейчас разъединять?

Профессор не ответил. В двери щелкнул замок.

Ученый, слегка приподнимаясь на стуле, озабоченно обернулся в ту сторону.

Зам бросил взгляд на часы.

– Ровно пять минут. Блокировка отключилась.

– Что-то жамок у ваш жаклинило, – чуть шепелявя сказал Фил, высовываясь из-за двери. – Дергаю, дергаю, – для убедительности он повертел ручку двери, – ни туда, ни шюда.

Дверь подалась, петли скрипнули, и человек, вместо того чтоб спокойно переступить порог и выйти, неестественно резко и высоко отпрыгнул назад.

Профессор, прикрыв глаза ладонью, пальцами размял кожу на лбу.

– Ну вот, начинается.

Фил снова появился в дверях.

– Как скрипит, а! Кто-то жарычал, да? У ваш там нет шобаки?

– Тут только мы.

Сергей поднялся и на всякий случай встал за стулом. Фил, оглядываясь, не торопясь прошел в комнату.

– Присаживайтесь, – предложил Сергей, отпустил спинку стула и сделал шаг назад.

Фил забрался на предложенный стул с ногами и сел на корточки.

– А кролик ваш ждох, кажетша. Прыгал, прыгал, а потом – хлоп! Эх, думаю... – вдруг осекся, обратил внимание на свою странную позу. Усмехнулся самому себе и сел по-человечески.

У Сергея немного отлегло от сердца.

– Особо каких-то изменений я не наблюдаю, – обратился он к профессору. – Может, мы рано испугались?..

– Што? – спросил Фил, поджал руки к груди и потянул носом воздух. У него немного припухла верхняя губа, заметно стали выдаваться два верхних передних зуба.

– Вы как себя чувствуете? – обратился к нему профессор.

– Ой! – поморщился Фил. – Чего так орешь? – Уши у него неестественно зашевелились, причем одно пошло вверх, а другое подалось вниз, левый глаз начал моргать, кожа под ним задергалась, будто нерв защемило.

Ученые переглянулись. Профессор потупил взгляд, а затем и вовсе отвел его в сторону.

– Вы чего? – спросил Фил, снова с ногами взбираясь на стул.

Хуши сказал: «Женщины за наивностью часто прячут ум, мужчины за цинизмом, как правило, глупость»

Рита смогла подняться только через полчаса после пробуждения. Во всем теле ощущалась слабость. Не то что двигаться, говорить было трудно.

Отец все это время не отходил от нее. Держа дочь за руку, рассказывал обо всем, что случилось за последние полтора месяца. Это был неудержимый, бессвязный поток слов и эмоций. Девушка узнала, что папа поругался с Павлом Игоревичем и обещал сжечь лабораторию. У папы все время болит голова. Папа каждый день возит к ней новых врачей. С Николаем Ивановичем, партнером по бизнесу, после того как Рита отказала Вадиму, отношения у папы испортились окончательно. Несостоявшийся сват грозит продать свою долю, если Рита, как он выразился, и дальше будет выкобениваться. Рита также узнала, что не всегда лежала в постели. Через неделю после случившегося стала подниматься и, как лунатик, бродила по комнате. Чтобы не ушла, папа сделал так, чтобы замки изнутри открывались только ключами, и поставил на окна роллеты. Риту навещали подруги. Папе показалось, что у одной из них с Вадимом отношения.

– Вадим очень обижен, его можно понять, – говорил папа, – но он не бросил тебя прикованной к кровати, приходил каждую среду. И если ты способна ценить в людях верность, – он повысил голос, – то просто обязана восстановить с ним отношения.

– Папа, – с теплом отвечала Рита, – давай больше никогда не будем ссориться. Я так люблю тебя. Ты самый лучший папа в этом городе.

– Да... – отец задумался. – Ты так говорила в детстве. Маленькой ты была такая послушная. А теперь, – он покачал головой.

– Я не люблю Вадима, папа. Я люблю другого человека.

Отец рассмеялся, всплеснул руками.

– Ха-ха... доченька, какая глупость! Да это бред, фантазия, нет никакого другого! Ты же вот здесь, у меня перед глазами полтора месяца... Это помутнение, это пройдет. Придумала там себе кого-то и влюбилась. Мечты мечтами, малышка, но жизнь, она чуть-чуть другая. Идеал – это прекрасно, но придется выбирать из этих, из реальных. А мечты о принце на белом коне оставь в прошлом. Ты у меня взрослая девочка.

– Папа, я по тебе соскучилась. Дай я тебя обниму, – улыбаясь, сказала девушка и потянулась к отцу.

Он подошел, прижал ее голову к груди, поцеловал в макушку и прошептал:

– Рита, я чуть с ума не сошел. Если потеряю тебя – жить мне больше незачем. Я покончу с собой... Я курить опять начал...

– Чтобы бросил! – строго произнесла дочь.

– Угу... На балконе курю. Дверь приоткрою, смотрю на тебя и думаю: если умрет, вырою две могилы и скажу, чтобы рядом... Вены бы вскрыл и все...

Рита захлопала носом.

– Ну что ты такое говоришь!

– Да-да...

– А я уезжаю, папа, – еще сильнее прижимаясь щекой к родной груди, прошептала она.

– Куда, дочка?

– В Мьянму.

– А почему не в Шанхай? Шанхай ближе.

– В Шанхае я никому не нужна.

– Ха-ха... – посмеялся отец. – Выдумщица. А в Мьянме нужна?

– Ему плохо. Я должна ему помочь.

– Высокий?

– Он высокий. Он даже выше тебя.

– Стройный?

– Да, стройный. У него красивое тело. Такой загорелый...

– Красивый?

– Очень красивый. Знаешь, как на него бабы пялятся! Космы бы повыдергивала.

– Вруунет?

– Блооондин, – возразила она.

Отец отстранился, взял ее за плечи.

– Рита, а ведь я сейчас злюсь. Какие еще блондины, малышка? Все! Добро пожаловать в реальность. Разговоры эти прекращай. А то меня слегка колотить начинает. Кстати, Вадим скоро придет. Вот удивится, представляешь? Тоже, так переживал. Подавленный ходил.

Рита спустила ноги на пол.

– А ты быстро набираешь силы, щеки порозовели, – отметил отец.

– Я пойду под душем постою.

– Давай-давай. – Сидя на кровати, с которой только что поднялась дочь, он положил голову на подушку и сладко вздохнул. – Полежи в ванной, наведи красоту, волосы заплети... Помнишь, как маме нравилось? Ты права, дочка, давай больше никогда не будем ссориться.

– Папа, а ты не помнишь, где мой загранпаспорт?

– Что?

Хуши сказал: «Хилые и глупые никогда не будут иметь власти над сильными и умными, звеня цепями, доказывал я тюремщику»

Через два часа отвергнутый Вадим, поднимаясь по лестнице, услышал с верхнего этажа крики и звон бьющейся посуды. Поднялся. Так и есть, ругались в квартире, которую он планировал посетить. От волнения сперло дыхание, закружилась голова. Рука потянулась к ручке, дверь поддалась. Не успел войти, как в полуметре от него об стену разбилось что-то белое, блестящее. Спасаясь от осколков, Вадим инстинктивно присел.

– О! – кричал Ритин папа. – Чуть Вадима не убила! Давай! Всех покалечь! Не стыдно?! Пусть! Пусть Вадим посмотрит, какая ты! Узнает твой характер, сам убежит!

– Рита, привет! – Вадим помахал рукой.

Девушка сердито зыркнула в его сторону, потом на отца, достала из серванта очередную тарелку и шваркнула об пол.

Отец скрестил руки на груди.

– И это наша тихоня! Взбалмошная, испорченная девчонка! Хоть все разнеси! Никуда не поедешь! На всех дверях замки повешу! Окна наглухо заколочу! Фигушки выйдешь!

Рита жажнула очередной тарелкой.

– Круши! Круши! Они же ничего не стоят! Не ты же за них горбатилась! Давай! Посмеши соседей!

– Где мой паспорт?!

– Паспорт тебе? Сейчас! – он полез в карман.

Рита, занеся очередную тарелку над головой, замерла в ожидании. Отец пошарил рукой в кармане:

– Ага, – вытянул фигу, показал гостю, потом дочери. – Вот ей паспорт.

Ба-бах!

– Михал Михалыч, здравствуйте, – сказал Вадим.

– Ага! Садись, Вадим, голову только в плечи втяни. А у нас, видишь, праздник. Доченька моя очнулась!

– Это хорошо. Я очень рад.

Рита, с намерением оторвать стеклянную дверцу шифоньера, потянула ее на себя, но за дверцей наклонился и подался весь шкаф и с грохотом ухнул о паркетный пол.

– Ух ты! – прокомментировал Вадим.

Папа ошалело взглянул на дочь и повернулся к гостю, ища у него поддержки.

– Ну... вот...

Рита, подбоченясь, с вызовом смотрела на родителя.

– Это уже слишком! – обратился к ней отец. – Это перебор! Вот за это я тебя накажу.

Девушка на миг улыбнулась, но тут же посерьезнела.

– Мой паспорт! – требовательно произнесла она. – Ты не имеешь права его забирать! Это нечестно! Я взрослый человек. Ты поступаешь аморально как отец и противозаконно как гражданин.

– Аморально... противозаконно... – Михал Михалыч взглянул на Вадима. – Вчера – папочка вытри сопельки. Папочка, я бабая боюсь! – пропищал он, – а сегодня – аморально, противозаконно! Слышал, да? Кто же вас таким поганым словечкам учит?

Рита жახнула очередной тарелкой.

– Круши! Круши! Они же ничего не стоят! Не ты же за них горбатилась! Давай! Посмеши соседей!

– Не ищи союзников. Вадим не поможет. Разговариваешь со мной, смотри на меня.
Трус.

– Я трус? – возмутился отец.

– Да, трус. Я хрупкая, ослабленная болезнью девушка, а вы, два амбала, накинулись! Вадим удивленно вскинул брови, хотел возразить, что и слова еще не сказал, но передумал. Решил, что сейчас ее лучше не трогать.

Рита продолжала:

– Я столько пережила! Я такая слабая, такая несчастная... Я лежала, шевельнуться не могла... Может, умерла бы совсем! А может, вы этого и добиваетесь?! Ночью, подло, на цыпочках подкрался, перепрятал паспорт. Небось думал, только бы не очнулась.

– Он на столе лежал, вот здесь, – отец ударил ладонью по столу. – И не думал прятать. Просто переложил. Куда, не скажу. И хватит давить на жалость! Хрупкая, слабая... – здоровее меня будешь.

Рита начала притворно кашлять: – Кх-кх... кх...

– Что с тобой? – подозрительно спросил отец.

– Мне надо уехать. Ну как ты не понимаешь, папа?

– Никуда я тебя не отпущу.

– Как можно так издеваться над ребенком? – снова закашляла. – Кх-кх... кх... Ты жестокий человек! Тебя надо лишить родительских прав!

– Меня?!

– Тебя!

– Лишить родительских прав, значит?!

– Да! Ты детей ненавидишь! Ты злой человек!

– Я злой человек?!

– Злой человек и ворюга. Ты у меня паспорт украл. Тебя надо в полицию сдать.

Отец насупился:

– Да уж... Вот так, дочка, да? дождался от тебя теплых слов...

Глаза отца увлажнились, он шмыгнул носом и вышел из комнаты. Вернувшись, бросил на стол паспорт, вытащил из внутреннего кармана висящего на спинке стула пиджака пачку сигарет и вышел на балкон.

Рита спрятала паспорт в шкаф между бельем и пошла вслед за отцом. Подкравшись на цыпочках, обняла его со спины, крепко обхватив отцовский живот руками.

– Отстань, – рявкнул отец.

Девушка обняла его еще крепче.

– Давай мириться.

– Ты хоть иногда думай, что ляпаешь. Так нельзя, Рита.

– Я тебя люблю, значит, мне все можно, – возразила она.

– Тебе же не пять лет.

Девушка расцепила руки, выхватила у него изо рта дымящуюся сигарету, сломала и выбросила. Он усмехнулся и достал из кармана пачку. Дочка ухватила ее за нее, но отец зажал пачку в руке, и Рите не удалось завладеть ею. Тогда она отогнула толстый отцовский мизинец, другой рукой вырвала пачку и бросила вниз.

– Мы больше не курим, – заявила безапелляционно дочь.

– Знаешь, почему я отдал тебе паспорт?

Она снова прижалась к нему:

– Потому что ты самый хороший папа в нашем городе.

– Я отдал его тебе потому, что ты права: ты взрослый человек, и это принадлежит тебе и только тебе. Я не имею права забирать у тебя паспорт. Хотя заграничный... хоть... не важно. Но я имею право заблокировать твою карточку. Научись зарабатывать – лети куда хочешь. А пока ты на моем обеспечении, изволь слушаться.

Девушка опустила руки и шагнула назад.

– А вот это подло.

По лицу мужчины пробежала нервная дрожь, он не оглянулся.

– Думай, как хочешь, я свое слово сказал.

Хуши сказал: «Умей ждать и дождись своего поезда, учат они. На перроне, а не на рельсах, добавляю я»

Рита еще не знала как, но твердо решила, что сегодня улетит.

«Где ты, где ты, Саня? – переживала она. – Где же тебя теперь искать? Молния, проклятая молния! Может, ты ослеп, может, у тебя опаленное лицо и руки... Мне все равно! Ты будешь со мной, что бы ни случилось. Как страшно думать о том, что больше не увижу тебя. Как привыкла. Как плохо без тебя. Милый, любимый мой Саня. Я найду тебя и ни за что никогда никуда не отпущу. Обниму и буду держать долго. И пройдет ночь, и день, и еще много ночей и дней. Я буду держать тебя в объятиях, пока не постарею, пока не сохнут, не рассыплются мои косточки. Откуда ты взялся в моей жизни? Зачем сделал такой слабой и зависимой? Жила бы себе, ходила в институт, по расчету вышла бы замуж, родила от нелюбимого ребенка, одного. Ему и одного много. Пила бы в беседке чай с плюшками и угасала тихо. Серенькая предсказуемая судьба, серенького человека. А тебе, тебе я рожу двух, или даже трех. Еще те будут фантазеры! Непутевые, но очень хорошие, добрые, как их папа. И может, будет такая же беседка и такие же плюшки... Такие – да не такие! Они будут такие мягкие и сладкие. Такие плюшки я люблю».

Больше с отцом Рита не разговаривала. Хотела позвонить подругам, но на телефоне кончились деньги. Просить у папы в сложившейся ситуации девушка посчитала ниже своего достоинства. К подругам она отправилась пешком. Надо во что бы то ни стало раздобыть денег на дорогу.

Алена, самая верная и близкая, не помогла. Рассказала, что звонил Ритин папа, предупредил, что дочка не в себе, и взял с Алены слово денег Рите не одалживать.

С телефона подруги Рита обзвонила всех, кто мог одолжить, но везде слышала одно и то же: «Только что звонил Михал Михалыч...»

– И что – не дашь? – уточняла Рита.

В ответ неизменное: «Прости, подруга».

«Ну, папа! – сердилась Рита. – Вот уперся! Всегда ведь слушался. А тут, просто другой человек. Ничего, я тебе этот бунт потом припомню. Какая подлость! Ладно, ты их зарабатываешь – оставь себе. Это принципиальный вопрос. Но при чем здесь мои подруги? Зачем ставить мне палки в колеса? Это свинство! Это не благородно! Мужчина не должен так поступать! Вот мой Саня никогда бы так не поступил. А если бы поступил, я бы один раз ему объяснила, что хорошо и что плохо. И все, и никогда бы такого не повторилось. Это не значит, что я сделаю из него подкаблучника. Разве папа мой подкаблучник? Ну, совсем чуть-чуть. Так, в меру. Все-таки своим мужчиной хочется гордиться, уважать его. А разве получится уважать рохлю? Вот Саня совсем не рохля. Просто он добрый. А какой характер у него проявился! Такой – у-ух! Но он еще меняется, и я меняюсь. Странно, были так близки, а до конца не узнали друг друга. Приглядеться бы, а я злилась только, недостатки искала. Как мы будем вместе? О чем говорить? Как он станет на меня смотреть? А ссориться будем?»

Рите неожиданно стало плохо, ее начало знобить, и она прилегла на диван. Ей всюду мерещились куры и свиньи, ладони ощущали холод и тяжесть пистолета.

«Пистолет, пистолет... Это Кастро, – подумала она. – А с ним что? Вот этот бы сейчас что-нибудь ляпнул. Подковырнул бы. Он такой. А ведь я и по нему скучаю. Он чем-то похож на папу. Папа, только наоборот. Папа наоборот, вот ведь бред придумала. Ну да. Лихорадит

меня чего-то. Мысли путаются. Если пистолет держит, значит, стреляет. Стреляет, значит, пока еще живой».

Когда озноб прошел, у Риты созрел новый план, и она стала собираться домой. Попрощалась с Анжелой и тут же в подъезде столкнулась с Таисией. Та кинулась обниматься.

– Ой, подружка моя золотая, светлый мой человечек! Выздоровела, куколка! А я как узнала, думаю, возьму и к тебе. Я так молилась! Каждый день молилась! И всем говорила: «Просите Боженьку за Ритусичку-лапочку. Бедняжечка лежит в постельке, как ангелок...» Нет, думаю, не может быть, чтоб такая красота, эта мордашечка, белые рученьки... Но как папа твой позвонил, у меня камень с души. Есть! Есть справедливость, говорю ему...

– И до тебя добрался...

– Меня первую набрал, что ты. Ты ж самая-самая моя подружка. Говорит, сама не своя, бежит куда-то. Спросил, кто тебе еще одолжить может. Ну, я ему телефонов десять надиктовала, а так больше и не знаю никого.

– Спасибо.

– Для тебя же стараемся, глупенькая ты наша ласточка.

Рита отстранилась от подруги.

– Тая, не хочу юлить, я тебе сразу скажу, ладно. Ты больше ко мне не приходи. Увидишь меня, проходи мимо. Здраваться со мной не надо.

Тая всплеснула руками.

– Что случилось, милая моя?

– Ну, ты, Тайка, и лицемерка! – с упреком произнесла Рита. – Актриса! Но я тебя вижу насквозь. Теперь вижу. Я, Тая, никого не боюсь, но есть люди, которых опасюсь. Подленьких, мелких... Такие злобу затаят, гадостей наделают таких, что простому человеку и в голову не придет.

– Понятно, – сказала Тая, меняясь в лице. – Трепло, Анжелка, разболтала уже. На полчаса опоздала, а она... Я сама рассказать хотела. Это все Вадим виноват! Недельку вокруг крутился, шагу не давал ступить – везде он. «Я такой дурак! Я такую ошибку сделал! На фото наше старое смотрю и плачу, плачу!...» Ну и что делать, приняла его. Жалко стало. Тем более у вас уже все, сама говорила...

Рита покачала головой, спустилась на один лестничный пролет, оглянулась и тихо спросила:

– Ты зачем про Саню наврала?

Тая вернулась к ней, подошла близко и заглянула в глаза. В ее взгляде было что-то новое, такого взгляда, такого выражения лица Рита у подруги еще не видела.

– А как Вадим меня бросил, помнишь? – спросила Тая. – А через месяц с тобой стал встречаться. Он же из-за тебя меня бросил. Конечно, ты же красавица у нас. А я что, пугало огородное? Думаешь, на меня мужики не оглядываются? Еще как оглядываются. Но у тебя же папочка богатенький. Вот и слетаются к тебе парни, как мошки на скисшее варенье. Думаешь, ты им нужна? Да если бы не приданое твое, кто б на тебя позарился! Весь институт про твой стервозный характер только и говорит! Ты же стерва, Рита. Эгоистка! Ты ж людей и в грош не ставишь!

– Вот и выяснили, – произнесла Рита, развернулась и двинулась дальше, вниз по ступенькам.

– А я рада, что сказала тебе! – крикнула ей вслед Тая. – Может, спеси поубавится!

– Плохой ты человек, Тайка, – бросила через плечо Рита, спускаясь. – Завистливый. Накопила яда. Куда же девать-то столько?

– Я плохой человек? Никто тебе денег не даст. А я дам! Честно! Я принесла! Специально взяла! Поднимайся! Я покажу тебе, какой я человек!

– Оставь себе, – прозвучало в ответ, и через секунду хлопнула входная дверь.

После такого откровенного разговора на душе было нестерпимо гадко.

«Как в грязи вывалили, – думала Рита, торопливо шагая по тротуару под палящими лучами солнца. – Противно! Противно! Ведь как нахваливала, в дружбе клялась: «Ритусик, даты думаешь, как я, подмечаешь все, как я, независимая, как я». Не как ты! Неправда! Мы не похожи! Мы разные в корне! Слышишь? Разные! Притворялась, ненавидела, только и ждала случая подножку подставить. Сядут сейчас с Анжелкой, та ей колы холодной нальет, и будет эта лицемерка хлебать эту колу и считать себя хорошим человеком. Справедливым и всеми обиженным. Никаких угрызений совести. Никаких сомнений. И ведь каждый подлец придумает сто оправданий своей подлости».

Рита не заметила, как пришла домой, как сняла платье и залезла под душ. Она нашла себя только когда, стоя перед зеркалом, вытиралась полотенцем. На столе, у вазы с цветами, которые принес Вадим, она увидела отцовскую кредитку. Девушка задумалась:

«Ну что ж, я простой человек. И я умею находить оправдания. Я ведь не навсегда возьму. При первой возможности верну. Вон, серьги продам и верну. Не эти только, а те, с рубинами. Я их не люблю. А все-таки я хорошенькая, – отметила, разглядывая свою фигуру. – Саня меня никогда не разлюбит. Никогда. О чем это я? А, кредитка. Мою заблокировал – хорошо. Могла бы взять у подруг, в долг... Могла, но он вмешался. Значит, сам виноват. Конечно, сам! Толкнул дочь на преступление. О, я оставлю записку! Напишу, что он пожалует о своем поступке. Агрессор и тиран. За деньги с карточки напишу, чтобы не волновался. Пусть продаст мои любимые серьги, те дурацкие, с рубинами. Положу их на записку».

Когда Рита добралась до аэропорта, уже смеркалось. Она долго не могла сориентироваться и понять, куда же идти. Волновалась, сердце трепетало.

«Скоро, скоро я увижу ЕГО! – воображение рисовало романтическую сцену встречи: объятия, долгий, полный страсти поцелуй. – Никто и ничто меня не остановит!» – подбадривала себя девушка.

Наконец нашла нужную кассу. Отстояла очередь.

– Ваша карточка заблокирована, – с сожалением объявила кассирша.

Рита почувствовала, как кровь отхлынула от лица и по позвоночнику прокатилась волна холода. – Не может быть! – удивилась она. – Я только что сняла сто долларов. Все было хорошо, и денег хватало...

Кассирша проверила еще раз, подняла усталый взгляд на девушку, улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Значит, только что заблокировали...

Крепко сжимая телефонную трубку, Рита возмущенно кричала:

«Это нечестно! Это гадко! А как же все твои разговоры о свободе выбора, о независимости мышления, о воспитании индивидуума?! Демагогия?! Зачем надо было врать и чему-то учить, если все равно все решают деньги. Хочешь, чтобы я такой стала? Хочешь, чтобы я любила и уважала тебя только за то, что ты властен давать или не давать?! Завтра, папа, я выйду замуж за богатого козла. Назло тебе выйду! И ты придешь ко мне, а я крикну: «Гоните вон этого старика. У него денег меньше чем у меня, а других причин терпеть его рядом – нет!» Переубеди меня, папа! Переубеди любовью! Но только не деньгами! Это гадко! Гадко! Гадко!.. Я не слушаю?.. Нельзя загонять в угол, а потом делать вид, что у человека есть выбор... Это не разговор равных, папа!.. Это разговор господина и раба!.. А ты меня?.. А ты меня?.. Не передумала!.. Да, права!.. Я выслушаю! Да! Разблокируешь карточку, я перезвоню, и у тебя будет полчаса, чтобы меня переубедить... Нет, сейчас слушать не хочу...

Хочу говорить на равных... Да, если ты не трус... Как знаешь! Я не приду. Я буду здесь жить!.. Я хочу надеяться... Буду проверять каждые полчаса... Вот как!.. Я сказала!.. Все? Отлично!..»

Она не улетела вечером. Всю ночь просидела в зале ожидания, каждый час подходила к банкомату и все надеялась, что отец одумается. Под утро от отчаяния и накопившейся обиды заплакала. Соленные капли скользили по ее щекам и подбородку, оставляя тонкие серые полоски туши, а она отрешенно смотрела перед собой, сжимая в кулаке носовой платок.

– Вам нужна помощь? Что-то случилось? – спросила сначала женщина с большим чемоданом на колесиках, потом военный с красивой девочкой на руках, непоседливый мальчик, сновавший туда-сюда и размахивающий замусоленной шоколадкой.

– Все хорошо... все хорошо... – шмыгая носом, коротко отвечала она.

Люди с их расспросами нагоняли на Риту тоску. Ей казалось, что она растворяется в шуме аэропорта, топоте и шарканье чужих ног, многоголосом гаме чужих голосов. Ее как бы нет. Находиться здесь ей было неприятно, но вернуться в привычный мир было еще хуже.

«Пусть кричит, суетится, кашляет, пусть так. Только бы себя не слышать, – думала Рита. – А все эти люди... А они чем озабочены? О чем думают? О чем говорят? Что там крикнула та женщина? А та веселая девушка, чего она смеется? А тот неприятный старик, все время на меня смотрит – почему?»

Неопрятный, шумный старичок сидел напротив, метрах в десяти. Он пришел минуты две назад откуда-то из центра зала и подсел к двум молодым веселым людям. Ребята оглядывались и по очереди пили сок из пластиковой бутылки. Судя по их настроению, в сок каким-то образом попал спирт.

Старик показывал им медали. До Риты доносились слова:

– ... лично Сталин! Лично Сталин вручил! Три немецких дота, в одном бою лично подорвал! Уважал меня Сталин. Жуков руку жал! За переправу на Днепре, вот этот орден, видишь!

– Да не нужен он мне! – отмахнулся один из парней. – Куда мне его цеплять?

– Десять тысяч не даешь, тогда дай пять! Вот медаль, гляди! Роту пулеметчиков ночью саперной лопатой зарубил. Такая медаль, знаешь, сколько стоит?!

– Да где написано, что зарубил? Тут написано: «Двадцать пять лет выслуги...» Это же не то, дед. У меня отец полковник, у него таких полшкафа. А это что такое?

ВДВ? А это что? Тут танки какие-то... – комментировал паренек, разглядывая медали. – Это же разные рода войск... Смотрю, ты везде послужить успел, – засмеялся молодой человек: – Ха-ха... Где спер, дед? Покажи место. Я тоже героем быть хочу.

– Дай хоть двести рублей, – жалобно канючил старик. – К однополчанину на могилу еду. На билет не хватает. Мы с Митяем под Пуховичами семерых полицаев штыками закололи. Двоих. Для тебя лично. Дай двести рублей...

– Ладно, если отстанешь, сто рублей за одного полицая заплатим, – сжалился над дедом один из приятелей. – И больше не проси, самим кушать нечего. Видишь, – показал на пластиковую бутылку, – лимонад без закуски дрынькаем.

Старик взял деньги, положил медали в карман и, прихрамывая, побрел к Рите.

– Я в сорок третьем, под Камышином, три поезда под откос пустил, – обратился он к пожилой даме, попавшейся на его пути.

Та с пониманием закивала. Он полез в карман.

– Вот эту медаль мне товарищ Рокоссовский вручил, когда я его из плена спас...

Рита больше старика не слушала, снова задумалась о своем. Ее дыхание стало порывистым, по щекам опять покатились слезы.

– ... За Польшу! – крикнул старик совсем близко.

Рита подняла голову. Дед сел рядом на свободный стул и протянул ей горсть медалей.

– Вот там я ступню и потерял.

– Что?

– Немцы на островке укрепились. Комдив говорит, кто завтра вон к той ветке флаг привяжет, того к награде. Ну, я утра дожидаться не стал, подговорил дружка...

– Дедушка, я не куплю медаль, – остановила его Рита. – Мне не за что купить.

– К однополчанину хочу поехать, – объяснял старик. – Мы с ним под Москвой в сорок втором одной парой валенок спасались.

Девушка полезла в сумочку, достала кошелек.

– Я вам пятьдесят долларов дам. Мне все равно уже не помогут, а вам, может, как раз хватит. – Всхлипнув, протянула купюру.

– Ой! – обрадовался старик. – Американские деньги! Мы в сорок пятом тушенку американскую ели. Всю жизнь эти джорджики мне помогают.

– Да, – отвернувшись в сторону, выдохнула девушка.

– Мало, конечно, могла бы еще добавить, – сказал старик. – Жадные вы люди. С голоду сдохну, никто не поможет. Воевал-воевал... мятую бумажку с заморышем патлатым навоевал. Свиньи вы все, свиньи...

Рита не ожидала такой странной благодарности, удивленно взглянула на старика.

Он, не замечая ее возмущения, продолжил:

– За пятьдесят долларов, внучка, я б дальше Румынии не сунулся, а немец так бы в Берлине и жировал. Дай еще, не пожалей старому вояке.

– Нет больше.

– Чего так, богатый папочка денежек не дал? Без денег в самолеты не пускают.

– Правду говорю. У меня больше нет. Я вам последнее отдала.

– Нет, значит. То-то я гляжу, сидит дурнушка зареванная. Чего реветь? Подумаешь, некрасивая. Не всем же красавицами быть.

Старик задумался, побренчал медалями в кармане.

– Это плохо, что у тебя больше нет. Человек ты, сразу видно, глупый. Я бы у тебя еще выцыганил.

– Дедушка, – чуть не плача сказала Рита, – уйди, пожалуйста.

– Обиделась, что ли? Ты не переживай. Ну и что, что дурочкой родилась. И дураки на земле живут. Порой получше умных. Не дал Бог ума, ну и плюнь. Некрасивой и глупой, конечно, трудно, но если много работать... Но смотрю на тебя, откровенно – дрянь фигура, много не наработаешь, надорвешься, – никак не успокаивался дед.

Рита начала сердиться. Апатия на секунду отпустила сознание, и она обратила внимание на мелочи: заметила, как отвратительно одет старик, как смердит его одежда, какие грязные, слипшиеся у него волосы.

– Уйди, дедушка.

– О-ой! И характер у тебя... Та еще змея... Глазами как, а! Прямо Геббельс. Сидеть с тобой страшно, вот-вот старика колотить начнешь.

Рита хотела крикнуть, набрала воздух в легкие, но вместо крика всхлипнула и, закрыв лицо руками, зарыдала.

– Да что с тобой, девочка? – не своим голосом спросил старик и погладил по руке.

«Что-то в этом голосе не так, и со стариком этим что-то не так», – подумала Рита, отдернула руку и всмотрелась в его лицо.

– Ты только не шуми, договорились? – сказал дед прежним скрипучим голосом и, показав белые прямые зубы, взглянул куда-то в сторону, а затем снова на Риту. – У меня, когда

я под Минском партизанил, друг был, Саня – красавец парень, – вспоминая молодость, дед мечтательно посмотрел вверх. – Баба у него была, страшненькая как черт, – Марусей звали.

От этих имен девушка вздрогнула и теперь смотрела на старика совсем по-другому.

«И с руками у него что-то не так... сильные, молодые... Саня, Маруся, да что происходит?..»

– И повадилась она к нему в лес из села бегать, – продолжал старик. – А Сиданко, полицейай, узнал. Стал следить. Глупая баба Маруся не смотрела по сторонам и навела на Саню фашистов. А уж они его пытали!.. Хотя и забрали все, что им надо... а все ж таки убили... потому как твари и отродье, – назидательно выставя указательный палец, подытожил старик.

– Навела? – спросила Рита.

– Ага, навела, навела... – дед покачал головой. – Я этого Сиданко в пятьдесят третьем встретил и вилами проткнул. Хотели посадить, а вместо этого почетную грамоту дали. – Старик сунул руку в карман, достал и протянул Рите бумажный сверток. – Хрущёв вручал. Пятьдесят долларов, думаю, грамота стоит. Так что все по-честному.

Рита взяла сверток и хотела раскрыть, но старик, сильно закашлявшись, похлопал ее по коленке, постучал по сумочке и, кряхтя, поднялся.

«Хочет, чтобы я положила в сумку», – догадалась девушка.

– Эй, ты! – окликнули старика, но тот и не оглянулся. – Герой войны, к тебе обращаюсь! – позвали снова.

Рита подняла взгляд. В нескольких метрах от нее стоял высокий человек в полицейской форме.

Дед медленно повернулся на голос.

– Ась? Эт ты мне, внучок?

Человек в форме посмотрел на девушку.

– Чего он хотел от вас?

– Да так, ничего, – ответила Рита. – Он к однополчанину летит.

– Проверьте, не украл ли чего?

Рита заглянула в сумочку, развела руками.

– Ничего не украл, все на месте.

Зоркий страж порядка снова взглянул на старика.

– Документы есть?

– Какие документы, внучок?! Сожгли немцы мои документы в сорок втором под Киевом.

– Давай на выход, – строго сказал человек в форме.

– А что я сделал, внучок? Мало эсэсовцев убил, мало грудь под пулеметы подставлял, а? Чем я хуже других? А-а-а... Старым стал, ненужным стал.

– Иди к церкви, там попрошайничай. Здесь нельзя. Давай-давай, дед, по-тихому, без скандала, тебе же лучше будет.

Старик сделал несколько шагов и остановился.

– Помоги, внучок, трудно мне идти. Осколок на печень давит. Дай хоть на плечо оперусь. Парень ты крепкий, сдюжишь.

Сержант подошел, дед повис у него на плече. Полицейский отвернулся, безглаголиво выдохнул.

– Фуф... Ну и вонючий ты, дед. Может, сам пойдешь?

– Не побрезгуй, внучок, помоги.

Они медленно двинулись к выходу. Дед терял силы на глазах. Вот он уже обхватил крепкую шею полицейского двумя руками.

– Я в сорок пятом в Будапеште вот так же политрука из-под артобстрела вынес, – погрузился в воспоминания старик. – А меня через Вислу пацаны шестнадцатилетние перенесли. А тут автоматчики. Всех и положили. Вот то ребята были! Герои, прям как ты! А я тебя видел возле ларьков, вот только что... Это вы хорошо придумали. Они с жары пиво хлещут, а туалет на ремонте. Они за ларьки, а тут выхлоп! Тяжелая у тебя работа, внучок. Как же мы без вас? Дай-ка я тебя поцелую! От всего народа нашего за службу твою. – Старик потянулся губами к стражу порядка. Тот отстранился.

– Помоги, внучок, трудно мне идти. Осколок на печень давит. Дай хоть на плечо опору. Парень ты крепкий, сдюжишь.

– Прекращай, дед. Пошли, пошли. Ну и воняет от тебя...

– Это в сорок первом, когда двое суток под Смоленском в свинарнике прятались. Вот с тех пор...

– Ты быстрее можешь?

– Скажи, внучок, много заработал?

– Много там заработаешь, бомжи одни, такие вот, как ты.

– А мы за краюху хлеба да за Родину на танки шли. Легкая была работа. Не то, что у тебя, внучок. Это ж сколько силы надо, бомжиков за пиписьки тягать! Учился долго, наверное?

– Ехидный ты старичок, – вытирая пот со лба, заметил доблестный страж. – Ты мне другую работу дашь, что ли?

– А лучше никакой, чем такую. Мы по совести умирали, а вы по совести жить не хотите.

– Может, не за тех умирать надо было, а, дед? Может, не с теми воевал?

– Поговори мне. Я-то с теми, с кем надо, а вот ты подумай, с кем и против кого.

Рита все это время, как бы прогуливаясь, шла по параллельному ряду. Ее внимание привлёк крепкий мужчина у окна. Он как-то слишком резко отвернул от нее лицо и приложил палец к уху. Девушка прислушалась:

«Видел... – прошептал незнакомец – ... Мент мешается... Обязательно проверим...»

Рита остановилась, заметила еще нескольких типов похожей комплекции, то и дело прикладывающих ладони к ушам. Двое подозрительных следили за стариком и сержантом у самого выхода.

Проходя мимо туалета, старик остановился, схватился за живот.

– Ой, больно!

– Что у тебя опять? – недовольно спросил полицейский. – Осколок бомбы в заднице шевелится?

– Рези. Не дойду. – Корчась от боли, дед показал на дверь. – Туда надо.

– Что еще придумал! Терпи.

– Думаешь, я под Сталинградом мало натерпелся?

Полицейский недовольно скривил лицо.

– У тебя две минуты.

– Ты это... не пускай никого, внучок. Ну не могу я при посторонних...

– Две минуты, – повторил сержант.

Старик благодарно кивнул и направился к двери, бурча себе под нос: – Две минуты... У нас в сорок третьем под Курском... сейчас я тебе расскажу...

Дверь за старым воякой закрылась. Сержант остался терпеливо ждать снаружи. К туалету подошел крепыш, стоявший у окна, и взялся за ручку.

– Куда? – остановил его полицейский.

– Сюда, – показал на дверь мужчина.

– Подождите, сейчас генералиссимус выползет, – добродушно усмехнулся сержант. – Задумался, видно, никак не вспомнит, что там у них под Курском в сорок третьем стряслось.

– Я тороплюсь.

– Все торопятся.

– Но мне надо.

– Всем надо.

– Но мне очень надо!

Блюстителю закона дернул за ручку, дверь не поддалась.

– Закрылся, панфиловец, – сказал он и постучал. – Дед, выползай!

Никто не ответил, и он постучал еще раз.

– Дедуля! Ставка на совещание зовет!

Крепыш, просившийся в туалет, заметно занервничал. С нетерпением наблюдая за неэффективными действиями полицейского, он не выдержал, оттолкнул сержанта и, выбив дверь ногой, влетел внутрь.

– Ты что сделал? – заорал полицейский и, закипая от гнева, кинулся следом.

И тут Рита увидела, как со стульев вскочили и с разных концов зала стремглав помчались к туалету еще несколько мужчин. Из уборной им навстречу выскочил тот, что выбил дверь, и кинулся к выходу:

– В форточку! В форточку вылез! – истерично кричал он маячившим вдалеке темным силуэтам. – По крыше уходит! Все на улицу! Быстро! Быстро!

Все вдруг загомонило, забегало.

Девушка вспомнила, как однажды открыла дверь в погреб, а там точно так же перепугано и бестолково по полу метались мыши.

На улице раздалось несколько выстрелов, люди сорвались с кресел, подскочили к окнам. Рите стало страшно. Со всех ног она помчалась к выходу, но вдруг почувствовала боль чуть выше колена.

– Зацепили, – произнесла вслух, остановилась и потрогала ляжку.

«В мышцу ему попали... Больно... Но кость не задела... не задела...»

Завизжали колеса, заскрежетало железо. Задев припаркованные на стоянке такси, на большой скорости мимо центрального входа пронесся черный «мерседес». Через пять секунд следом промчались еще две машины. Стреляли снова, но уже дальше. Озираясь, Рита вышла на улицу. Больше выстрелов не было слышно.

Лишь минут через пять она вспомнила о бумажном пакете. Как и думала, в нем оказались деньги. Теперь могла спокойно лететь к Сане, но на душе было тяжело. В том, что случилось, она винила себя.

«Наверное, я выглядела действительно жалко, – думала Рита, – если он, зная, что за мною следят, рискнул подойти и... И все из-за этих проклятых денег... Глупый, глупый Кубинец, а если бы его убили? И кто из нас дурачком родился?»

Она простояла на улице еще полчаса, все ожидая чего-то, но больше ничего не происходило. Никто даже не обсуждал происшедшее. Забыли. Вернулись к обыденным мыслям и заботам.

Хуши сказал: «Я счастлив, ведь все мои мечты сбылись. После жаркого дня, наконец, пришел прохладный вечер. О нем я мечтал с самого утра»

Когда пассажиров подвозили к самолету, солнце ярко светило, а Рита улыбалась. Солнечный свет ласкал ее лицо и руки, пробивался сквозь ресницы, проникал в мысли, грел душу.

«Как неправильно, глупо я устроена. Что с моим Саней, что будет с нашим Кубинцем? Ведь ничего не ясно. Все просто ужасно. Я улыбаюсь, как трехлетняя девочка на каруселях. Глупая я, правильно он сказал. Радоваться сейчас – предательство. В такой ситуации надо быть мрачной и сосредоточенной, а не лыбиться на все тридцать два».

Как ни пыталась Рита пристыдить себя, но до конца испортить себе настроение ей не удалось: молодость, здоровье и яркое солнце гнали прочь грустные мысли.

Ей повезло. Совершить перелет предстояло на любимом месте – у окна. Люди не спеша проходили в салон, забрасывали сумки в багажные отсеки и рассаживались в кресла. Место рядом с ней оставалось пустым.

«Где-то заблудился», – подумала девушка, когда щелкнули замки люка и из-за крыла показался трап. Но самолет почему-то долго не взлетал. Трап снова вернули, и тот же автобус, который привез ее, снова направился от здания аэропорта к самолету.

«Успел-таки!» – порадовалась Рита за опоздавшего пассажира. Но радость мгновенно улетучилась, как только в поднимающемся по ступеням трапа мужчине девушка узнала своего бывшего жениха. Вадим был без багажа. Волосы взъерошены, на скулах серела щетина. По всему видно, собирался наспех.

«Ну а тебе-то, что надо? Ну почему, почему мне все мешают?»

Зайдя в салон, опоздавший нашел глазами Риту, притворно удивился и поспешил к ней.

– Вот так встреча! – радостно воскликнул, усаживаясь на свое место. – Все с ног сбились, ищут ее, а она вот где спряталась! Михалычу надо будет позвонить, а то волнуется.

– Чего тебе надо? – строго спросила Рита.

– Как чего? В командировку лечу, Ритусик. Не все же, как ты, на курорты. Работать надо. На все деньги нужны. Чтобы кушать хорошо, одеваться красиво, женщинам нравиться. В театр кого-нибудь пригласить...

– Так, давай пока не взлетели, дуй отсюда!

– Как это «дуй»? У меня работа: договора, сделки, корпоративы...

– Не уйдешь? – остановила его Рита и приподнялась с кресла. – Тогда я сейчас уйду.

Вадим убрал ноги, освобождая проход.

– Давай-давай! Денег на такси одолжить? У меня есть, я ведь работаю. О! Еще вспомнил, для чего нужны деньги, – чтобы на такси поехать. Все-таки, Ритусик, деньги это удобно. Лично мое наблюдение. Папе привет передавай.

– Вот так встреча! – радостно воскликнул, усаживаясь на свое место. – Все с ног сбились, ищут ее, а она вот где спряталась!

Блеф не удался, девушка вернулась в кресло, нахмурилась.

– Как ты меня нашел?

– Я тебя не искал. Нужна ты мне: искать тебя. Меня партнеры на банкет пригласили. Ох, там секретарша! Конфетка! Глазками стреляет, всего изрешетила.

Рита отвернулась к окну.

– Ты зря теряешь со мной время, Вадим. Я тебе всегда говорила: ничего не будет, ты был мне просто другом.

– Был?

Девушка повернула лицо.

– Я тебя просила одолжить мне на билет. Ни ты, ни подруги мои, никто не дал. Папу боитесь. Нет у меня друзей.

– Именно, Рита! Нет у тебя друзей! И хорошо, что ты это поняла! А я у тебя есть. И папы твоего мне бояться нечего. Сам бы сделал все, чтобы ты осталась. Я думаю, беспокоюсь о тебе. Хорошо хоть позвонили, еле успел. Мне не все равно! Я вижу, я знаю: мы будем вместе. Я твой муж и отец твоих детей!

– Каких еще детей?

– Будущих.

Рита усмехнулась и снова отвернулась к иллюминатору. Раздался свист разгоняющихся моторов. Девушка покрутилась в кресле, пристегнула ремни.

– А ты думала, я вот так легко сдамся! – сказал Вадим. – Плохо ты меня знаешь. Потакал тебе, подлизывался: «Риточка, я, конечно же, не прав! Риточка, прости, если обидел! Ты всегда умница, я всегда кретин!» Ну и ладно, пускай, только пусть не гонит, пусть рядом будет. Я все готов стерпеть, любую обиду, и она ведь это понимает и, наверное, ведь ценит за это?! Ни черта она не понимает! Ничего не ценит! – Вадим больше не улыбался, мышцы лица стали подергиваться, ноздри раздувались. – Ну и хорошо! И ладно! Смысл теперь слушаться и притворяться, если тот, прежний, я тебе не нужен! Что ты хочешь, чтобы я писал тебе письма?! Эти глупые, пошлые письма! Стать таким убогим, забитым, косящим под романтика неудачником! Лживый, хилый, с этими его фальшивыми восторгами, с этой банальщиной, дутыми пафосными стишками. Лстивая скотина, с этим вот своим гермафродитским личиком! Таким мне стать?! Такого хочешь? Такой тебе нужен? Я таким не буду! Этого ты от меня не добьешься! И хватило же наглости: влез, втесался – клоп! А эта уши развесила... Чего смотришь? Не знала меня такого?! К кому ты летишь? Что ты знаешь о нем? Что он тебе даст?! Он никто! Ноль! Он не построит карьеры, не разбогатеет. Ты без гроша будешь сидеть, а он в соседней комнате письма будет тебе строчить, и не только тебе, поверь! А через пару лет стихи кончатся! Все его сю-сю-пу-сю тоже пройдут. И будет пустота, и стыд и горечь. И вспомнишь ты наш разговор, и так будешь жалеть! Так жалеть! И придешь ко мне, и будешь просить прощения, и скажешь, давай все забудем и начнем сначала. И будешь рыдать, и заламывать руки...

– Эй-эй-эй! – остановила его Рита. – Ты не замечтался, нет?

– Не-ет, я знаю, что говорю. Как трудно будет потом все вернуть, Рита! Это только кажется, что ничего не нужно и ничто не держит. Раскаяние приходит позже. Я вот что думал, я никому не говорил, но тебе скажу. Люди из разных классов не должны и не могут быть вместе. Мы с тобой одинаковы. У нас одинаковые привычки, воспитание, потребности, взгляды на будущее, отношение к богатству. Да, все! Все, куда ни глянь! Мы и они – разные планеты. Люди низшего класса – инопланетяне, Рита. Только так получилось, что мы хозяева, а они слуги. Не надо, неправильно, чтобы грязный черный слуга лез в чистую постель белой хозяйки. У нее есть свой белый муж, и у них будут белые дети. И это правильно! Это я называю порядком. И еще, дело не в умении или неумении зарабатывать, совсем нет! Нас перетасовали, а мы снова разбились на группки. Одни стали над другими. Люди высшего класса физиологически отличаются от людей низшего и тянутся друг к другу. Спариваться с низшими – все равно, что с животными. Звучит цинично, я знаю. Но я много думал. Принцы, Рита, будут жениться на принцессах, а свинопасы – на этих, ну, на голодранках разных. Не я решил – высшие силы так хотят.

Вадим замолчал. Насмешливый взгляд Риты раздражал молодого человека. Девушка коснулась рукой его колена.

– Вадим, ты никому этого раньше не говорил?

– Нет.

– Честно?

Готовясь к выпадку с ее стороны, он сощурил глаза.

– Прощу тебя, в память о нашей дружбе, – участливо произнесла она, – никогда никому не повторяй того, что сейчас сказал. Вадим, это шизофрения. Полнейшая чушь.

– Чушь. Понятно.

– Угу, – Рита надула губки, сочувственно покачала головой.

– Поглядим, чем он так хорош. Какие такие у него достоинства... Очень интересно... Очень... Ведь познакомишь, не испугаешься?

– Чего мне пугаться? Ты бойся, чтоб его низшая физиология близким контактом твою высшую не деформировала.

Рассматривая Вадима, Рита тихонько посмеялась и спросила:

– Скажи, супермен, а чего это ты меня в бедноту записал? Папа мой человек не бедный, поможет.

– Твоего отца достали твои капризы. Он не хочет видеть этого твоего... Сам мне сказал.

– Папа захочет то, чего хочу я, – с вызовом произнесла Рита и снова отвернулась к иллюминатору.

– Не в этот раз, – самонадеянно заявил Вадим.

На несколько минут зависло молчание, а затем он прошептал:

– Ритусик, бойся того, кому нечего терять.

– Тебя? – усмехнулась она, все так же глядя на улицу.

Самолет не спеша выруливал на взлетную полосу.

– Я тебя отравлю.

– В тюрьму упекут.

– А я и себя отравлю.

Рита повернулась к нему.

– Раз проболтался, значит, не отравишь. Слушай, если так решил, начни с себя, а? Ну, мне пока не хочется, правда. Дай хоть институт закончить. Точно, давай, как получу диплом, привози свою курару.

– Кураре. Называется «ку-ра-ре».

– Угу.

– Издеваешься, да? Весело тебе.

Девушка тяжело вздохнула.

– Послушай, мой верный рыцарь, ну почему люди считают, что они какие-то особенные? Возомнят себя страдальцами и верят, что несчастны, что плохо им, что жить без кого-то не могут... Скажи, верный мой, как я брыкнулась, то на какой день ты к Тайке побежал?

– Чего? – переспросил Вадим, краснея. И это не осталось незамеченным.

– О! Да ты на глазах сдуваешься! Прекращай, заткни где-нибудь брешь. О-е-ей! Где этот упрек во взгляде, уверенные жесты? Где горделивая поза оскорбленного, но сильного мужчины? Что случилось, рыцарь мой? Слушай, а травитесь-ка вы с ней вместе. Почему, если кого травить, то обязательно меня?

Вадим опустил голову, прикрыл глаза ладонью.

– Ты была такая несчастная... Ты там лежала... – невнятно забубнил он. – И когда я пришел... там была она... Отец, когда тебя забрал... Я пришел, врачи сказали, что... А она говорит, надо все это как-то пережить вместе...

– Получилось?

Вадим не ответил, только глубоко вздохнул и продолжил разминать рукой кожу вокруг глаз.

– Ты только не расстраивайся, хорошо? Тут ничего плохого нет, – успокаивала девушка. – А Тайка, мне кажется, тебя любит. Так что, может, у вас все будет очень даже замечательно!

Вадим поднял голову:

– Что-то мне плохо. – У него участилось дыхание. – И уши закладывает...

– Все нормально, – Рита похлопала его по коленке, улыбнулась и протянула кисленькую карамельку. – Держи леденец, высшее существо, взлетаем.

Хуши сказал: «Мертвое долго не живет»

Даже когда старик распахнул ставни и в комнату проник солнечный свет, она оставалась серой. Серый запыленный стол и старый покосившийся шкаф, серые от копоти стены, серые от грязи наволочка и одеяло. На полу, на кирпичках, лежал круглый железный лист, на нем тлели угли. Мудрый Хуши любил смотреть на пламя и разводил огонь прямо у постели.

– Все лежит, – кряхтел старик. Он подошел к двери и принялся стучать костылем по трухлявому косяку.

– Разваливается, сыпется... Ничего не хочет – вот и сыпется. Мертвое долго не живет! Вставай! – крикнул он, обращаясь к кому-то.

– Ну, чего ты ко мне пристал, старый? – послышался голос из глубины комнаты. – Я не могу стоять, у меня болят ноги.

Мудрый Хуши оглянулся.

– У меня все болит. Я был крепким, молодым и сытым. Зачем я притащил тебя, дармоеда? Из-за тебя я старый. У меня ломит кости и на руках мозоли. Стонешь по ночам, мешаешь мне спать. Берешь мой хлеб, рис и ничего не даешь взамен. Никто не ест просто так.

– Опять завелся...

– Если ты не встанешь, я позову своих племянников, и они поколотят тебя.

– Нет у тебя никаких племянников. Да и не пришли бы они к такому сквалыге.

«Ку-ка-ре-ку-у!» – закукарекали во дворе сразу несколько петухов. Отозвались соседские, и дальше, дальше... Волна петушиного крика покатила по всему поселку.

Старик подошел к столу и взял пустую тарелку.

– Тут была лепешка. Ты съел мою лепешку. Теперь я умру с голоду. Стану худым, живот опухнет, а глаза закатятся. Я спас тебе жизнь, а ты ворует мои лепешки!

Заскрипели доски, на пол упало одеяло. Еле передвигая ноги, на свет вышел симпатичный молодой человек. Волосы взъерошены, от того, что он смотрел на солнце, глаза его щурились и все лицо кривилось. На широкой спине отпечатались полосы досок.

– Ты ночью вставал и съел, – сказал парень. – Ты еще спросил, почему только одна.

– Ах ты, дармоед. Знаю, почему ты все забыл! Ты спрашивал, кто ты, я тебе расскажу! Ты лгун и мошенник. Ты всю жизнь обманом пробирался в дома доверчивых стариков, шарил по их кастрюлям и тарелкам, съедал все запасы и валялся в их постелях. Старики тощали, животы их распухали, глаза закатывались, а ты смеялся и закапывал их живьем в огороде.

Мудрый Хуши, опираясь на трость, обошел молодого человека, стал за его спиной и рывком сорвал с его плеча пластырь.

– Ау! – вскрикнул парень от боли. Старик пощупал его руку, провел ладонью по загорелой коже.

– Как на собаке, – прошептал удивленно. – Не бывает такого. Кто ты?

– Лгун и мошенник. Сам ведь сказал, – усмехнулся молодой человек.

Мудрый Хуши снял со стены и бросил ему под ноги плетеную корзину.

– Пошли работать. – Он подошел к двери, отворил ее и подпер палкой, чтобы не закрывалась.

Молодой человек, делая осторожные шаги, вышел на улицу. Старик украдкой следил за его ногами и чему-то улыбался.

– Как на собаке, – еле слышно прошептали губы.

Несколько часов Саня чистил и мыл куриные клетки. Таскал корзиной зерно из сарая, чистил и наполнял поилки. Мудрый Хуши все время был рядом, бродил по двору, подставляя солнцу морщинистое лицо, и повторял: «плохо работаешь, плохо».

– Скажи, мудрый, долго я буду на тебя батрачить? – спрашивал Саня.

– Пока не отдашь долг, – отвечал старик.

– И долго отдавать?

– Когда отдашь, узнаешь первым.

На обед Хуши сварил десяток яиц. Они ели, сидя прямо на траве, в тени пышного дерева. Старик говорил:

– Все расписано. Все, что будет, давно прошло. Все, кто были, остались здесь. Есть прошлое, которое ушло навсегда. Есть прошлое, которое будет после будущего. Убийцы и праведники, жертвы и палачи возвращаются. Молодой Будда когда-нибудь сядет под это дерево. Бог летает над кронами. Он только еще придумывает этот мир.

– Я не понимаю, – сказал Саня.

– Ты ходил по пшеничной куче, сними свою обувь, – попросил старик. – Не этот, вон тот, левый.

Молодой человек снял кроссовок.

Старик веткой нацарапал что-то на земле и прикрыл надпись рукой.

– Высыпь на ладонь зерна и сосчитай их.

Зерна вместе с песком посыпались на Санину ладонь.

– Семнадцать, – через десять секунд сказал он.

Хуши убрал руку. На земле было нацарапано число семнадцать.

Молодой человек задумчиво посмотрел вверх и почесал подбородок.

– Как?

Мудрый откусил очищенную от скорлупы часть яйца и, пережевывая передними зубами, ответил:

– Я просчитал... Твой вес, длину шага, зазор между ногой и ботинком, движения ноги, время...

– Это невозможно.

Старик ответил не сразу. Взял другое яйцо, треснул об колено.

– Я не понимаю цифр, я только вижу их. Но когда-то я знал глубину, значение каждой. Я чувствовал последовательность. В детстве я начинал шахматную партию и через десять ходов видел, как она окончится. Когда стал старше, просчитывал партию после первого хода.

– А сейчас?

– А сейчас я не играю в шахматы.

Мудрый протянул Сане яйцо:

– Почисть.

Саня обменял яйцо на почищенное.

– Сегодня я вспомнил свое детство. Вспомнил маму... и все... и туман... А вся память вернется? Люди, которые меня искали... которые хотели меня убить, кто они?

– Все в свое время.

Молодой человек закончил обед, вытер ладони одну о другую, растянулся на траве.

– Сколько тебе лет, мудрый?

– Я старый. Наверное, пятьдесят, может, больше.

– Не, тебе больше чем пятьдесят, – уверенно возразил Саня.

– А сто больше, чем пятьдесят? – спросил старик.

– Конечно.

– Тогда мне сто... или сто пятьдесят. Точно, сто пятьдесят. Я помню, что много.

После обеда Саня расстелил посреди двора старый облысевший ковер, усадил на него старика, взял из сарая лопату, наточил и отправился перекапывать огород. Мудрый принял позу лотоса и задремал. Его туловище и седая голова мерно покачивались из стороны в сторону.

Скоро к калитке, перешептываясь, подошли трое местных парней. Стучать не стали, дожидались, когда Хуши проснется. Минуты через две, не открывая глаз, мудрый махнул рукой. Калитка скрипнула, самый рослый из пришедших шагнул во двор и направился к старику.

– Заходите все! – тихо сказал старик.

Двое, что пониже ростом, направились вслед за первым. Каждый из них что-то принес с собой. Усаживаясь напротив Хуши, первый положил перед ним вяленую рыбу, второй – мешок с мукой, третий вытащил из-за пазухи и протянул хозяину новую, замотанную в тряпку ножовку.

– Хорошо, – сказал старик, сгибая зубастое полотно. Затем недовольно взглянул на рыбу, поднял трость и принялся колотить по плечу парня, принесшего ее. Тот не защищался, только зажмурил глаза и поджал руки к телу.

– В какой? В какой луже ты ее поймал?! – ругался мудрый. – Дождь только вчера шел, видишь, еще не выросла, чего тащишь?!

Двое других хихикнули.

– Молчать, блохи! – прикрикнул старик на них и снова обратился к первому: – Или думал, потолстеет по дороге?! Ты жадный! И отец твой жадный! И дед твой был жадный! И прогонят тебя, как деда твоего, и будут бить палками, пока совесть с кровью к коже не протянется! Позор рода человеческого! От скупости своей беднее всех будешь жить. Не будет тебе невесты! Ты ее голодом заморишь. Живот ее опухнет, а глаза закатятся!

Саня перестал копать. Упираясь подбородком в черенок лопаты, с улыбкой стал наблюдать за гостями.

Побитый перехватил трость и вырвал из рук старика.

– Я принесу тебе самую большую из тех, что поймали за неделю! – воскликнул парень. – Только обещай, что я не буду самым бедным и жена моя не будет голодать.

– Поглядим, – неопределенно ответил мудрый.

Парень потянулся за рыбой, старик ударил его по растопыренным пальцам.

– Оставь! Я хочу сравнить.

Парень убежал. Хуши положил трость возле себя, глянул на того, кто принес муку.

– Хотите купить новую лодку? – спросил.

– Ты все знаешь, мудрый, – ответил молодой человек, почтительно склонив голову.

– Покупайте. Скоро освободят твоего брата...

– Освободят?

Старик подхватил трость и сильно стукнул молодого человека по лбу.

– Не перебивай, блоха! Через семьдесят два дня отпустят. Вам нужна будет еще одна лодка. Сбивайте цену на треть, больше Чао не скинет. Через три года в этот самый день в море на лодке не выходить. Тогда все будет хорошо: не утонет. Лучше пусть в этот день брат поедет в город, купит мне одежду и новую трость. Если дерево судьбы эту ветку даст, через семь лет будет у тебя два племянника. Одного назовете в мою честь Хуши. Пусть два раза в год приносит мне маленького желтого угря или двух больших черных, тогда здоровый будет расти. Все запомнил?

– Так у нас желтых угрей не водится, мудрый.

– Я знаю, – ответил старик и перевел взгляд на того, кто принес ножовку, размахнулся и сильно ударил парня по плечу.

– За что, мудрый? – воскликнул несчастный, хватаясь за ушибленное место.

– Им надо, значит, и тебе пригодится. Чтобы друзья злобу на тебя не таили. Вам сто лет вместе в море ходить.

Губы парня растянулись в улыбке, показав желтые зубы.

– Заходите все! – тихо сказал старик.

Двое, что пониже ростом, направились вслед за первым. Каждый из них что-то принес с собой.

– Сто лет.

– Тебе, безногому, эти сто лет тысячей покажутся, – усмехнулся старик.

– Безногому? – испугался он.

– Хочу булочек сладких. Пусть мать испечет. Принесешь завтра. Подумаем, что с твоими ногами делать.

– Спасибо, мудрый. Я вот что хотел у тебя узнать, – торопливо спросил молодой китаец. – Мы с Ченом на сестрах Ши жениться решили. Он – на младшей, я на старшей. Хочу до свадьбы невесте подарок сделать. С отцом мы во мнениях разошлись, я так думаю...

– Нет! – перебил Хуши.

– Что нет, мудрый?

– Есть такая ветка: ты сетями рыбу в лодку тянешь, жена твоя блудливая – туристов залетных в свою постель. А дома пятеро сопливых да больных, твои да не от тебя. И не смотри на меня так! Твой выбор. Хочешь – женись на ней.

– Как не от меня? – расстроился жених.

– Есть другая ветка. Сильная, здоровая, сочные плоды ее к земле тянут, а она все вверх стремится. Ты подожди немного, от той ветки только почка пока появилась.

– Я тебе не верю, – прошептал молодой человек.

Мудрый вскочил с ковра и принялся охаживать костью жениха.

– Пошел! Пошел отсюда, блоха! – стал кричать он. Схватил беднягу за волосы, потащил к калитке и через пару секунд вышвырнул со двора. – И три дня не появляйся! – крикнул вдогонку.

Третий встал на ноги, отряхнулся и, опасливо проходя мимо хозяина дома, отправился вслед за товарищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.